

АНЧУТИН Н. К. — в НКВД

АНЧУТИН Николай Константинович, родился в 1896 в Санкт-Петербурге. Получил среднее военное образование и высшее авиационное. С 1917 — восемь лет проработал в Военно-Воздушных Силах, с 1925 — в проектных институтах и на заводах Ленинграда. Жена — Анчутина Ольга Павловна. В марте 1935 — выслан с женой в Челкар на 5 лет¹. В июле 1936 — обратился с заявлением в НКВД.

<13 июля 1936>

«В ИНСПЕКЦИЮ НКВД

от АНЧУТИНА Николая Константиновича,
проживавшего в г<ороде> Ленинграде,
Вас<ильевский> Остров, 5 линия, д<ом>
№ 20, кв.1, ныне проживающий в г<ороде>
Челкаре Актюбинской обл<асти> Казахской
АССР по Набережной ул<ице>, д<ом> № 36

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ночь на 12 марта 1935 года я был арестован и после опроса и трехдневного заключения был освобожден, а 17 марта с меня было взято обязательство за № 1979 о выезде из Ленинграда с женой Ольгой Павловной в г<ород> Иргиз, Казахской АССР. Основанием к принятию в отношении меня столь тяжелой административной меры, по-видимому, как усматривается из моего опроса, по содержанию чисто анкетного характера, послужило лишь мое социальное происхождение и бытность мою в 1916 и 1917 годах офицером старой армии.

Учитывая то обстоятельство, что никакого обвинения мне предъявлено не было и что за все время моей работы в Красной Армии, а затем на гражданской службе, я никогда не подвергался никаким репрессиям, полагаю, что моя высылка является неправильной, а потому прошу распоряжения о пересмотре моего дела.

В подтверждение и разъяснения обстоятельств моего дела, представляю при сем краткую автобиографию и прохождение моей службы.

Родился я в 1896 г<оду>. Отец мой из безземельных дворян, свыше 40 лет работал в военно-учебном ведомстве, начиная с преподавателя математики и кончая помощником Нач<альни>ка военно-учебных заведений в чине генерала. За всю свою жизнь отец никаких общественно-административных постов не занимал. Мать моя из бедной швейцарской семьи, по окончании образования в Швейцарии приехала в Россию учительницей французского языка. Познакомившись с отцом по педагогической работе, вышла за него замуж и после замужества вела домашнее хозяйство.

Отец умер в 1911 году, мать в 1928 году.

Образование я получил в первом кадетском корпусе, который окончил в 1916 году. По окончании ускоренных офицерских курсов в 1916 году был произведен в прапорщики по инженерным войскам. Возбудив ходатайство о переводе в авиацию, был назначен летчиком-наблюдателем в 17 корпусный авиаотряд. В ноябре 1916 г<ода> был командирован в Гатчинскую офицерскую авиашколу, из которой в феврале 1917 г<ода> командирован для совершенствования в Англию, где и

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1305. С. 100-103.

прошел курс высшей школы пилотажа. Из-за границы вернулся в Петербург в августе 1917 г<ода>.

Октябрьская революция застала меня на должности приемщика Управления Военно-Воздушных сил, на Русско-Балтийском авиационном заводе в г<ороде> Ленинграде. При общем саботаже и прекращении работ управления, я, совместно с заводским комитетом завода, принял горячее участие в достройке изготавливаемых заводом воздушных кораблей типа "Илья Муромец". К моменту наступления немцев на Ленинград в начале 1918 года, завод собрал 5 воздушных кораблей и сформировал отряд для защиты Красной Столицы. Это, пожалуй, был первый авиационный отряд в истории обороны Ленинграда, а также в истории Красной Гвардии. Летчиками в этом отряде были т<оварищ> АЛЕХНОВИЧ и я.

В апреле 1918 г<ода> отряд перешел в состав, сформированной Коллегией по управлению Воздушным Флотом Северной группы воздушных кораблей "Илья Муромец" РККА. Возбудив ходатайство о переводе меня в сформированную группу, я добровольно, на основании моего рапорта, был назначен помощником Командира 1-го воздушного корабля (см<отреть> приказ по Упр<авлению> Возд<ушного> Флота № 24, п<ункт> № 4 от 11/V-18 г<ода> г<ород> Москва).

В состав вышеназванной группы, переименованной в дальнейшем в дивизион воздушных кораблей, я провел всю компанию гражданской войны до 1922 года, когда дивизион, за изношенностью материальной части, был расформирован. По расформировании дивизиона, я был назначен инструктором бомбометания в формируемую школу воздушной стрельбы и бомбометания в г<ород> Серпухов.

Руководя в школе практическим бомбометанием, мною обучено около 300 красных военных летчиков. Изобретена зажигательная бомба (заявочное свидетельство № 121/77201) и взрыватель с замедлителем (заявочное свидетельство № 154/77554), написан конспект по материальной части бомбометания, переделаны трофейные английские прицелы и бомбодержатели под русские бомбы и пр<очее>.

Из школы в феврале 1925 г<ода> переведен в г<ород> Москву, в Отдельный тренировочный отряд тяжелой авиации. Демобилизован в мае 1925 года.

После демобилизации и до 1935 года работал в Ленинграде на разных заводах и <в> проектировочных институтах, на должностях техника, зав<едующего> Отделом рационализации (зав<од> им<ени> Макса Гельца), инженера и ст<аршего> инженера Гипровато<транса> и Гипроавтотранса. Ударником был с 1930 г<ода>.

За время гражданской службы мною были также предложены 2 изобретения оборонного значения. На гражданской службе по общественной работе имел следующие нагрузки: член бюро И<нженерно>-Т<ехнического> С<остава>, секретарь бюро ИТС, член бюро ОСОАвиахима, член бюро ячейки изобретателей, руководитель физкультурных кружков и т<ак> д<алее>.

Из моей автобиографии видно, что с первых дней Революции я безоговорочно остался на стороне Советов и честно проработал 18 лет, из коих 8 лет в Красном воздушном флоте, вполне выявив и создав за эти 18 лет своей сознательной жизни свое социальное лицо.

Преследование же меня за социальное происхождение, на основании разъяснения тов<арища> Сталина на съезде комбайнеров, что "Сын за отца не отвечает", отпадает само собой.

Указанная моя работа с первых дней Октябрьской Революции позволяет мне думать, что исключается возможность причислить меня к чуждому элементу, и я уверен, что пересмотр моего дела снимет с меня

незаслуженную высылку и даст мне возможность честно продолжать работать в прежних условиях.

Уверенность моя зиждется на абсолютно чистой совести по отношению к партии и Советской власти, с одной стороны, и на неоднократных указаниях тов<аиша> Сталина и ряда статей и речей в центральной "Правде" членов Политбюро и Правительства и завершающая смысл всего этого — Сталинская Конституция.

Я могу расценивать свою высылку только как печальное недоразумение и готов опровергнуть любое обвинение или подозрение.

С нетерпением жду пересмотра моего дела и снятия с меня высылки.

13/VII – 36 г<ода>.

Н. Анчутин.

Мой адрес: г<ород> Челгар, Актюбинской области, Набережная ул<ица>, дом № 36»².

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1479. С. 140-143. Машинопись, дата и подпись — автограф.